

В П а р и ж е

Есть у Парижа одна особенность. Когда проходишь мимо его дворцов, соборов, памятников, всегда кажется, что на их величавых громадах, на каменном кружеве орнаментов, на изгибах скульптур застыла копоть и пыль столетий. Чем старательнее ветры и дожди обмывают камень, доводя его до белого блеска, на одной стороне, тем упорнее и гуще накапливается темная патина времени на противоположной. Рука реставратора никогда не пытается стереть эту печать истории, и камни Парижа чем старше, тем темнее.

Вероятно, в приверженности к старине таится свой скрытый смысл. Нынешние времена трудны для Франции. Ее независимость и престиж так зримо подвергаются испытанию и так часто оказываются величиной непрочной, колеблющейся, что многим французам хочется лишней раз ощутить древнее величие страны и славу своего народа, создавшего много веков назад Нотр-Дам, Лувр, площадь Согласия и другие сокровища Парижа. Возможно, это компенсирует в известной степени моральный ущерб, наносимый современностью.

Глядя на массивный, несколько мрачный в своей монументальной суровости фасад Бурбонского дворца, трудно поверить, что именно за его стенами происходит распродажа суверенитета и могущества Франции. Форма слишком расходится с содержанием.

Мне пришлось быть в Париже в дни, когда Совет республики решал вопрос о ратификации парижских соглашений. В Люксембургском дворце происходили многочасовые заседания и споры. Газеты кричали о воле нации, пугали народ опасностью изоляции Франции, если она откажется вручить германским милитаристам мандат на оружие.

Но французы не боятся изоляции. Они знают, что у них много настоящих друзей. Единственная изоляция, которая становится все большей реальностью, — это изоляция от народа правящей верхушки, которая отдает Францию на произвол германского сапога и американского доллара.

Чем больше приглядываешься к Пари-

Из путевых впечатлений

жу, к его темпераментной уличной жизни, к его непривычным для советского человека контрастам, чем больше знакомишься с представителями французской интеллигенции, тем меньше веришь, что там, за стенами Бурбонского и Люксембургского дворцов, нынешнее большинство французского парламента может говорить от имени нации.

В Париже, как и везде, новое борется со старым, будущее с уходящим. Отзвуки этой борьбы сказываются повсюду: на трибуне парламента и в играх детей, на сценах театров и дорожках стадионов, в однообразных кварталах предместий и на шумных улицах центра столицы. И кажется, сама природа не стоит здесь в стороне. Какие-то силы долго не пускали весну. Она пришла поздняя, неприветливая. Холода измучили парижан. Тем радостнее наблюдать весенние побеги, их буйный и неукротимый рост. Будущее — за ними.

★

Прогулка по Парижу особенно интересна в предвечерний час. Пройдемся с вами, читатель, не торопясь, хотя бы от Лувра к площади Оперы. Вот, у входа на улицу Пирамид на невысоком пьедестале застыла Жанна д'Арк. Заходящее солнце играет на оружии, шлеме, голове коня, пуская вокруг золотые стрелы.

Любопытна история этого памятника. Заняв Париж, гитлеровцы не постеснялись снять десятки бронзовых монументов, чтобы перелить их на нужды своей разбойничьей войны. Пустые пьедесталы и сейчас свидетельствуют о «подвигах» захватчиков. Однако для Жанны д'Арк было сделано исключение. Рассказывают, что статуя была снята, но затем снова водружена на место... в позолоченном виде. Подобным жестом гитлеровский комендант Парижа Штюльпнагель попытался, видимо, зачислить Жанну в союзники — ведь она тоже воевала когда-то против англичан.

Вряд ли реверанс Штюльпнагеля привлечет сердца парижан на его сторону. И все же одна цель была достигнута: суровая бронзовая воительница превратилась вдруг в позолоченную игрушку, которая как будто перекочевала сюда из витрины близлежащего ювелирного магазина.

История поучительная. Невольно приходит в голову мысль о нынешних временах. Ведь мастера позолоты имеются и сейчас. Им не терпится Париж, да и всю страну лишить прежней впечатляющей силы, превратив Францию в нечто, подобное игрушке в чужих руках...

Наш взгляд привлекает огромная афиша, извещающая о выступлении во Дворце Шайо танцевального ансамбля народной Болгарии. Как ни старались лавели и бидо, а искусство нового мира проникает сюда, и сердца парижан открыты для него.

Многие здесь спрашивают, когда же Париж познакомится с советским театром, со знаменитым русским балетом. Я не встречал человека, который не осуждал бы в той или иной форме прошлогодний запрет советских балетных спектаклей. Многие хотят знать, что делается на наших сценах, над чем думают актеры и режиссеры, какие творческие мечты обуревают их.

Об интересе к русской культуре мы узнаем из очередной крупной афиши: театр «Творчество» дает сотое представление «Трех сестер» А. П. Чехова.

Париж — город неожиданных контрастов. Не успеваешь вычитать в афишу «Трех сестер», как вас ослепляет ярко освещенная витрина. Здесь рекламируется нечто совсем другое. За три с половиной тысячи франков предпринимчивая компания обещает туристу показать «ночной Париж». В программе — посещение четырех кабаре.

Вы спешите дальше, стремясь стряхнуть с себя что-то липкое и неприятное, что исходит яркоосвещенная витрина, и наткнетесь на очередь у кассы кино. Зрелище в Париже довольно редкое. Идет итальянский фильм «Дорога», поставленный Федерико Феллини.

Мы не замечаем очереди возле распо-

ложенного неподалеку пышного здания Гранд-Опера. А здесь люди терпеливо стояли, ожидая возможности познакомиться с судьбой маленькой и нищей актрисы, о которой рассказывается в фильме.

Героиня фильма гибнет, — гибнет в результате несправедливости, равнодушия, надругательства над ее детской доверчивостью. Ее хозяин, партнер и муж, человек, одичавший под бременем нищеты, невежества и пьянства, бросил ее больную на пустынной дороге. Ему не стало легче. Узнав о гибели своей подруги, он в запоздалом отчаянии рыдает на сыром песке морского берега. И в его темном сознании впервые со всей ясностью и разящей остротой возникает вопрос: за что я ее погубил, зачем я живу?

Мне показалось, что у многих, кто выходил после просмотра фильма «Дорога», взгляд был беспокойным, и в нем как бы застыл тот же вопрос: зачем мы живем?

В это сложное для Франции время над всем задумываются все, способные думать. И большое удовлетворение испытываешь, когда встречаешь в Париже людей, которые не только ставят перед собой этот вопрос, но и хорошо отвечают на него. Среди артистической интеллигенции таких людей появляется все больше и больше.

Именно подобного рода удовлетворение мы получили на спектакле «Салемские колдуньи» в театре Сары Бернар. Автор пьесы американский писатель Артур Миллер материал для своего произведения нашел в толще веков, на заре истории Соединенных Штатов. В 1692 году в небольшом поселке Салем происходил «процесс ведьм». Невинных людей сурово осудили за колдовство и сношения с нечистой силой.

Шаг за шагом драматург показывает, как возник и разросся массовый психоз, приведший к этому позорному процессу. Режиссер Раймон Руло и художник Лиладель Нобили создали правдивый и темпераментный спектакль, направленный против обскурантизма, мракобесия и несправедливого правоупорядка. Актеры играют увлеченно, страстно, с полной отдачей творческих сил. Особенной глубиной и содержательностью отличается исполнение Ивом Монтаном и Симоной Синьоре главных ролей.

Жизнь и борьба французского народа оказывают все большее влияние на искус-

ство, и это открывает ему новые перспективы.

Современная французская живопись, например, в течение многих лет стремилась утвердить идею независимости искусства от жизни. Мне вспоминается выставка французского «Осеннего салона», виденная в 1946 году. Она поражала тогда почти полной отчужденностью от всех тех событий, крутых поворотов в жизни страны, сложных перипетий борьбы, которые потрясали Францию в годы гитлеровской агрессии.

И вот через девять лет — интереснейшие перемены. В одном из лучших музеев Парижа в апреле открылась выставка, знаменательная уже одним своим названием: «Искусство — свидетель своего времени». Это уже прямое признание связи искусства с жизнью. Мало того, выставка имела определенную тематическую направленность. Она посвящена проблеме — в чем сущность счастья?

В центре экспозиции большая картина Роже Безомбе «Освобождение». Над измученным гитлеровской оккупацией Парижем, над толпой, где живые и поднявшиеся к борьбе перемешались с калеками и мертвыми, возвышается фигура женщины со знаменем, на котором написано: «Освобождение Парижу!».

Счастье — в борьбе за свободу родины, счастье в том, чтобы отстоять мир, преодолев враждебные народу силы, — таково содержание картины. Появление ее в дни, когда правительство и парламент страны выдали индульгенцию германским милитаристам, терзавшим Париж, — это свидетельство мужества художника, показатель качества нового уровня общественной зрелости искусства.

Но есть и такие картины, где преобладают настроения горечи, пессимизма, а иногда и безысходности. Широким потоком проходят по выставке мутные волны эротизма. Это не случайность. Старый и дряхлый мир капитализма старательно вприскивает во все явления общественной жизни эротический яд, стремясь, видимо, отвлечь сознание и эмоции людей от важных и волнующих жизненных проблем и направить их в сторону «интимных» переживаний.

И все же выставка в целом говорит о серьезных и интересных процессах, происходящих в искусстве Франции. Жизнь

заставляет художников думать, сопоставлять, выходить из замкнутого мира субъективизма, чтобы силой слова, резца и кисти выносить свой приговор общественным явлениям, вскрывать их действительное существо.

★

Удивительна энергия и жизнелюбивая стойкость трудового народа Франции. Своей страстной любовью к родине, своей упорной борьбой за национальные интересы страны народ привлек и привлекает на свою сторону подлинный цвет французской интеллигенции. Беседуете ли вы с учителями, смотрите хороший спектакль, сидите на поляне Венсенского леса, наблюдая массовый кросс в честь «Юманите», — везде и всегда вы чувствуете дух бодрости, веру в будущее, волю к борьбе. И источник этого — в народе.

Запомнилась сцена во время кросса. Среди сотен его участников бежал человек с одной рукой. Другую по самое плечо он потерял, видимо, на полях сражений. Бег происходил на длинную дистанцию, и однорукому было трудно. Он заметно отставал, но не сдавался. И каждый раз, когда, сделав круг, однорукий появлялся возле трибун, переполненных народом, его шумно приветствовали. А бегун, подняв единственную руку, посылал молчаливый ответный привет и, напрягая силы, снова бежал, чтобы дойти до финиша.

У него отняла руку, и все же он не стал инвалидом. Рука, конечно, не отрастет, но воля к борьбе у человека наверняка выросла. Он демонстрировал ее своим участием в кроссе мира, организованном «Юманите».

На трибуну почта один за другим поднимались советские люди, поляки, чехи, венгры, немцы из демократической Германии. Десятки тысяч парижан шумно приветствовали их. Это были победители, и самое главное — это были друзья. Опасна сила врага, приятна победа друга. Трудовой Париж еще раз почувствовал, как много у него сильных друзей.

Хмурое небо упорно и непрестанно бросало на бегунов, на зрителей, на размокшую дорожку брызги холодного дождя. Но здесь, в Венсенском лесу, уже царил весна, — весна трудовой солидарности, дружбы, надежды!

А. СОЛОДОВНИКОВ.